

ПОДВИГ БУКЕРА

Голоса, осуждающие решение букеровского жюри, послышались почти сразу после оглашения имени победителя. Пятнадцать тысяч долларов и звание лучшего романиста года получил Рубен Давил Гонсалес Гальего за роман в рассказах «Белое на черном».

Парализованный автор живет сейчас в Испании, вместе с матерью. Внук лидера испанской компартии, он был рожден двадцатилетней романтической студенткой и отнят у нее. Его брат-близнец умер, а у самого Гальего был детский церебральный паралич. Ауроре Гонсалес сказали, что второй ребенок тоже умер. Она не поверила – и правильно сделала. Но прежде чем они нашли друг друга, Рубен Давид провел в советских детдомах больше двадцати лет. Об этом и книга. О беспомощности. О вынужденном героизме. О том, как тоталитарный социум изолирует больных от здоровых и делает все, чтобы больные перестали портить ему фасад.

Дмитрий БЫКОВ

Голоса раздаются вот какие: во-первых, награжден не роман, а документальное автобиографическое повествование. Но жанр романа широк, и «fiction» – далеко не единственное направление в его ветвистом, мощном движении. Есть романы биографические и автобиографические, научные и фантастические, филологические и даже кулинарные. «Белое на черном» – книга со всеми признаками романа, с яркими героями, лаконичным стилем (лаконизм, впрочем, объясним – Гальего трудно печатать, он может нажимать на клавиши всего одним работающим пальцем), четко прописанной моралью. И

если в свое время мемуарный «Альбом для марок» Андрея Сергеева не вызвал никаких нареканий (то есть вызвал, конечно, – но его награждению это не повредило), вряд ли стоит сетовать на то, что победила документальная книга. В ней главное – не документальность, а выразительность и сила; и автор ее – сравнительно молодой человек, никому в литературной тусовке не известный. Когда новый для России жанр и новый автор входят в литературный обиход, этому радоваться надо, а не огорчаться. Кроме того, бледная фантазия и слабоватая пластика современно-русского романа делает по-

беду документальной книги вполне предсказуемой и мотивированной – плюс ко всему книга Гальего, в отличие от американского документального романа, не стремится шокировать читателя чудовищными деталями. Очень тактично и даже милосердно написано.

«Но автор – испанец!» – пылко возражают другие. Ничего, книга написана и издана по-русски. Это во-первых. А во-вторых – страна, где Гальего родился и где его без малого тридцать лет то спасали, то мучили, то лечили, то изобретательно уничтожали, – давно уже стала его страной. Интересно получается: как мучить ребенка – так в России, а как Буккера давать – так испанец! Андрей Немзер уже написал, что никакая премия не компенсирует автору перенесенных мучений. Верно. Но попытка хоть как-то компенсировать их нужна не ему, а обществу. Вручение букеровской премии Рубену Гонсалесу Гальего означает, что общество признало свою вину и преклонилось перед его духом.

Третьи вообще говорят, что жюри преследовало только одну цель: доказать, что литературы у нас нет. Да есть же! Просто эта новая литература еще непривычна, и гораздо проще, как раньше, считать прозой затянутую графоманию с примитивной моралью или

квазиавангардную поэзию без рифм, метров и смысла.

Наше жюри и радо бы выбрать из чистой художественной прозы. Но за отсутствием явного лидера оно обратилось к роману, где выдумки нет. Этика оказалась главнее эстетики: книга-подвиг победила. Победила еще и потому, что автору было что сказать. А потому получил Гальего свою премию не за инвалидность, а напротив – за выдающееся душевное здоровье.

Теперь уже кажется, что жюри нарочно подбирало такую относительно слабую «шестерку». Ясно и то, что любое другое решение было бы по-человечески бестактным и эстетически сомнительным. «Настает новый, лучший век, исчезнут очевидцы – страдания маленьких калек не смогут позабыться», – писал Пастернак о детях войны. Применимы его слова и к сегодняшним детям, выживающим в чудовищных условиях провинциальных больниц и интернатов. Сколько ни пытайся отрешиться от гуманизма, сколько ни играй в модную имморальность – человек состоялся настолько, насколько он способен понимать чужую боль и сострадать ей. В этом смысле русский Буккер-2003 состоялся. Может быть, впервые за двенадцать лет существования этой премии на родине Толстого, Достоевского и Пелевина. ■